
Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Была весна. Паша Афанасьев, гимназист восьмого класса, освобожденный от экзаменов по болезни, и гимназистка Лиза Чумакова стояли у плетня, который перегораживал два сада. Лиза прислонилась плечом к плетню, и с тем, еще детски серьезным и уже девически нежным выражением своих серых, немного выпуклых глаз, которое появлялось у нее всегда в важных случаях жизни, – слушала и глядела вниз, на книгу, которую держала, и на оборки своего светло-серого платья. А Паша Афанасьев, с другой стороны навалившись грудью на плетень, потому что ему было трудно стоять, – высоким, надтреснутым голосом говорил:

– А если вас не пустят, так удерем сами!.. Не пропадем... как-нибудь! Я вам там уроки достану, переписку какую-нибудь. Проживете, ничего!.. А трудно будет сначала... так что ж, без этого нельзя! – беззаботно махнул рукой Паша Афанасьев. – В этом даже своя прелесть есть, право... А то что ж тут торчать?.. Там ведь жизнь какая!.. Там все движется, живет... С работы на сходку, – со сходки в театр или библиотеку... вот это я понимаю, это жизнь настоящая; а то, что ж это?.. Я как подумаю, что двадцать лет просидел в этой дыре проклятой, так...

Паша Афанасьев отломил от плетня гнилую серую палку и с отчаянием швырнул ее в траву.

Где-то далеко, за зелеными деревьями и кустами, разливавшими вокруг какое-то бесконечно зеленое море, насквозь пронизанное светом и тысячами удивительно отчетливых свежих звуков, горничная Чумаковых Василиса звонко прокричала:

– Ба-рышня!.. идите обедать!.. Ау!.. В этом неожиданном лесном "ау" было что-то такое бесшабашно веселое и жизнерадостное, что Лиза и Паша Афанасьев разом взглянули друг на друга и улыбнулись.

– Иду-у! – громко, так, что где-то вблизи вздрогнуло маленькое круглое эхо, крикнула Лиза, оттолкнулась плечом от плетня и, опять сделав то же наивно-серьезное выражение лица, сказала низким и полным голосом:

– Может быть, и не пустят, но я поеду... – и, помолчав, прибавила: – Я уж так решила.

Паша Афанасьев восторженно щелкнул пальцами.

– Ну, вот это я называю – молодец Лизочка!.. – радостно задрожавшим, светлым голосом сказал он. И вы жалеть не будете, Лиза, милая!.. Они, что ж... посердят и перестанут; а у вас вся жизнь впереди!.. Эх, заживем мы там с вами!.. Работать будем так, что только держись!.. Время-то теперь горячее, рабочее, – люди нужны... Кружок у нас там будет свой, хороший... Будем искать людей дела! – басом прибавил Паша Афанасьев. – Мы с вами ведь еще и сами не знаем, какое счастье окунуться в самую гущу жизни... Когда идешь и чувствуешь, что тут рядом, плечо в плечо, шагают такие же люди, рабочие, сильные... смелые...

Паша Афанасьев сжал кулаки и задорно встряхнул головой. На лицо его падал свет, и темные глаза блестели восторгом и силой, и оттого ярче обозначались на этом лице бледные черты слабости и болезни. Лиза внимательно и доверчиво смотрела на него.

– А то читаешь, как люди живут, борются, свое счастье куют... иной раз дух захватывает, так, кажется, и побежал бы впереди всех, а... ты только из книжки, сидя за чаем с вареньем, и узнаешь, что есть какая-то иная жизнь, не похожая на твое куриное прозябание...

Лиза тяжело вздохнула и дернула себя за кончик косы.

– Итак, значит, по рукам? – с шутилой торжественностью спросил Паша Афанасьев, протягивая руку через плетень.

Лиза, улыбаясь, посмотрела в его юное милое лицо, – такое мужественное и также нежное, чуть тронутое пухом, – и подала свою руку, маленькую, с